

Милуков, А. Р.
"

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА

А. МИЛЮКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1890

РН

Воспоминаніе о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ.

Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ встрѣчались разсказы о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Кокошкинѣ, бывшемъ директорѣ московскаго театра и переводчикѣ мольеровскаго «Мизантропа». Въ воспоминаніяхъ его современниковъ онъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутости, интригахъ и узкомъ педантизмѣ. Можетъ быть, въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго и притомъ только въ послѣдніе годы его жизни, въ моей ранней молодости, но какъ бы ни было, онъ представляется мнѣ человѣкомъ не только не злымъ, а, напротивъ, доброжелатель-

нымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ, въ тогдашнемъ псевдоклассическомъ смыслѣ, и удачно игралъ въ своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо, столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни.

Я былъ еще въ одномъ изъ высшихъ классовъ первой, и въ то время единственной, московской гимназіи, когда отецъ мой переехалъ въ домъ Кокоткина, на Никитскомъ бульварѣ. Мы жили во флигелѣ, а хозяинъ помѣщался въ большомъ каменномъ домѣ, который стоялъ въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы рѣшетчатымъ заборомъ. Въ то время Федоръ Федоровичъ не былъ уже директоромъ императорскаго театра, но не переставалъ еще интересоваться имъ; его посѣщали актеры и театралы, журналисты и литераторы, и на его домашней сценѣ бывали иногда спектакли, въ которые съѣзжались люди изъ лучшаго моск-

НВ
 бн
 вл
 оз
 ил
 к
 эл
 ас
 го
 л
 в
 ваго общества и артистическаго круга. Мно-
 ихъ, кажется, привлекало не столько предла-
 ваемое зрѣлище, сколько сопровождавшіе его
 ужины и вообще широкое, радушное госте-
 приимство хозяина. Мнѣ скоро пришлось быть
 на одномъ изъ такихъ спектаклей, и хотя онъ
 сильно занималъ меня, особенно артистической
 игрой самого Ковошкина и жившей тогда въ
 его домѣ актрисы Потанчиковой, но я замѣ-
 тилъ, однако же, что нѣкоторые гости меньше
 интересовались пьесой, чѣмъ буфетомъ. Иные
 даже втихомолку подсмѣивались надъ превос-
 ходительнымъ актеромъ.

На масленицѣ Ковошкинъ былъ у насъ на
 блинахъ, заговорилъ со мною, спросилъ о за-
 нятіяхъ въ гимназіи, пожелалъ видѣть мои
 классныя сочиненія и предложилъ брать книги
 изъ его библіотеки. Я конечно не упустилъ
 случая воспользоваться этимъ предложеніемъ.
 Тутъ удалось мнѣ перечитать много классиче-
 скихъ, преимущественно французскихъ, писате-
 лей и въ первый разъ познакомиться съ тра-
 гедіями и романами Вольтера. Въѣстѣ съ тѣмъ,

при частыхъ прогулкахъ въ бібліотеку, гдѣ иногда проводилъ я цѣлые часы, разсматривая гравюры и иллюстрированныя изданія, которыя неудобно было брать домой, я познакомился и съ домашней жизнью моего патрона.

Ковошкину въ то время было лѣтъ семьдесятъ, но онъ еще казался бодрымъ и не переставалъ разыгрывать свѣтскаго селядона и дамскаго поклонника. Надобно было видѣть, какія совершались съ нимъ каждый день овидіевскія превращенія. Утромъ, вставъ съ постели, сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, желтый какъ египетская мумія, съ гладкимъ безволосымъ черепомъ и ввалившимися щеками, и медленно пилъ свою чашку кофе. Казалось, этотъ уже полуживой старикъ сейчасъ рухнетъ на полъ. Но вотъ приходитъ его камердинеръ, Данило Ивановичъ, ставитъ на столъ разныя принадлежности старческаго туалета—флаконы съ румянами и бѣлилами, щеточки и висточки, рыжеватый парикъ на деревянномъ болванѣ и искусственную челюсть на серебряномъ блюдцѣ. И начиналось

превращеніе, какого не придумывалъ и пѣвецъ «Метаморфозъ». Пергаментное лицо мало-по-малу бѣлѣло и алѣло подѣ косметической штукатуркой, голый черепъ прикрывался густыми завитыми кудрями, изъ-за натертыхъ розовой помадою губъ выглядывали прекрасные вставные зубы, и вся сгорбленная фигура выпрямлялась подѣ туго затянутымъ корсетомъ. Раза два или три въ недѣлю, въ модномъ сюртукѣ, съ тросточкой, на концѣ которой былъ золотой молоточекъ, послѣдній изъ атрибутовъ масонства, выѣзжалъ онъ въ коляскѣ, или только сопровождаемый ею выходилъ пѣшкомъ на прогулку.

Модными гуляньями въ Москвѣ были въ то время Прѣсенскіе пруды, Тверской бульваръ и Осташевскій садъ. Тамъ въ очередные дни недѣли можно было видѣть лучшее московское общество. Отъ двухъ до четырехъ часовъ дня прилежающія улицы уставлены были рядами экипажей, а по аллеямъ двигались пестрые группы гуляющихъ. На каждомъ изъ этихъ гуляній были свои кортесы и признанныя знаменитости: иногда можно было встрѣтить тамъ

характерную фигуру Ермолова, съ его величаво-львиной головой, или улыбающееся, умное лицо Дениса Давыдова, или падающего на тонкихъ ногахъ пресловутаго ратника, Сергея Глинку. Были знаменитости и между дамами: такъ, на примѣръ, однажды общее вниманіе обращено было въ Осташевскомъ саду на извѣстную кавалеристъ-дѣвицу, Дурову-Александрову. Коконкинъ посѣщалъ регулярно эти гулянья, особенно садъ и бульваръ, и его можно было видѣть преимущественно или съ тогдашними литературными и артистическими извѣстностями, или съ молодыми дамами. Кто встрѣчалъ его въ эти часы, стоящаго передъ какой-нибудь московской красавицей и играющаго своей тросточкой съ живостью молодаго франта, тому конечно не могло придти въ голову, что черезъ нѣсколько часовъ онъ опять превратится въ жалкаго старика и полизаетъ, какъ грошевый московскій ситецъ.

Первыми красавицами въ Москвѣ считались въ то время дѣвицы Фольцъ. Это были двѣ сестры, обѣ блондинки, необыкновенно строй-

ныя и изящныя. Въ лучшемъ обществѣ онѣ не были приняты, и барыни окидывали ихъ строгимъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, когда онѣ появлялись въ ложѣ Малаго театра или на гуляньяхъ, въ сопровожденіи старика внушительной наружности, съ длинными сѣдыми усами и орденскими ленточками въ петлицѣ статскаго сюртука. Одни говорили, что это отецъ молодыхъ красавицъ, отставной майоръ или подполковникъ бывшихъ польскихъ войскъ, оставившій службу незадолго до начала революціи тридцать перваго года. Другіе утверждали, будто дѣвушки вовсе не дочери его, а только какія-то дальнія родственницы, и это отчасти подтверждалось тѣмъ, что его видали въ костелѣ, а онѣ ходили въ русскія церкви. Сомнительная репутація этого семейства кончилась тѣмъ, что однажды, послѣ прогулки на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ кто-то поднесъ дѣвушкамъ два персика, онѣ обѣ умерли въ тотъ же самый день. Въ церкви Старога Вознесенья стояли два голубые гроба, и покойницъ отпѣвали при большомъ стеченіи публики.

Я видалъ сестеръ Фольцъ въ Остапешевскомъ саду. Иногда онѣ были съ своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ родителемъ, а иногда онѣ прогуливался съ кѣмъ-нибудь, а дѣвушки сидѣли на скамейкѣ, окруженные свѣтской молодежью и старыми холостяками, къ которымъ присоединялся иной разъ и Кокошкинъ. О загадочной смерти барышень долго говорила вся Москва, и вотъ какъ объясняли этотъ трагическій случай.

Говорили, что Фольцъ употреблялъ своихъ прекрасныхъ дочекъ для ловли московскихъ и заѣзжихъ простаковъ, способныхъ увлекаться привѣтливымъ взглядомъ красавицы. Онъ замѣчалъ, кто особенно на нихъ засматривался, развѣдывалъ объ общественномъ положеніи и особенно о достаткѣ поклонника, и если подходилъ то и другое удовлетворительнымъ, то поручалъ красавицѣ, которая привлекала на себя вниманіе, поощрить исканія жертвы. Неосторожная муха попадала въ сѣти паука. Послѣ нѣсколькихъ прогулокъ на Тверскомъ бульварѣ или танцевъ въ купеческомъ собраніи, доврѣ-

чивому ловеласу позволялось пожать прекрасную ручку, и обыкновенно случалось такъ, что самъ старикъ знакомился съ нимъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ. И вотъ поклонникъ застаеъ однажды любимую особу одну, такъ какъ папаша съ другой сестрой куда-то уѣхалъ. Какой чудный вечеръ: комфортабельная гостинная освѣщена матовымъ свѣтомъ карсельской лампы. Очаровательная дѣвушка, сыгравъ какой нибудь вѣжливый романсъ на фортепьяно, садится на шелковый диванъ, съ улыбкой и поощряющимъ взглядомъ. Можно ли желать лучшихъ минутъ для объясненія? И гость пользуется ими и высказываетъ обычное признаніе въ любви. Передъ нимъ смущаются, краснѣютъ, но не отталкиваютъ его. Но посреди перваго поцѣлуя вдругъ отворяется дверь и въ комнату показывается папаша, величавый, грозный, съ сверкающими отъ негодованія глазами.

— Несчастная, говоритъ онъ, обращаясь къ смущенной дѣвушкѣ: преступная дочь! И ты не постыдилась опозорить мою честную шестидесятилѣтнюю жизнь? Ты отнимаешь у меня

единственное достояніе—добрую славу моего имени. Оставь меня, иди прочь съ моихъ глазъ; я отрекаюсь отъ тебя, я тебя проклинаяю!.. А вы, милостивый государь, продолжаетъ Фольцъ, обращаясь къ своему гостю: вы соблазнили невинную дѣвушку, вы насмѣялись надъ сѣдинами отца, стараго солдата, который тридцать лѣтъ проливалъ кровь за царя и отечество. Еслибы я былъ моложе, я убилъ бы васъ на мѣстѣ, но къ несчастію мои израненныя въ бояхъ руки не въ состояніи уже держать оружія. Но я найду мстителей. Тѣ, кому я служилъ вѣрой и правдой, не допустятъ безнаказанно смѣяться надъ честными сѣдинами заслуженнаго воина...

Ни къ какимъ, однако жъ, мстителямъ оскорбленному папашѣ не приходилось обращаться: оканчивалось тѣмъ, что попавшая въ сѣти жертва отпускалась на всѣ четыре стороны, подписавъ заготовленный заранѣе вексель на болѣе или менѣе крупную сумму. Вѣроятно, впрочемъ, что у иныхъ такимъ образомъ попадавшихся въ паутину мухъ было жало, и этимъ

объясняли печальный конецъ отравленныхъ персиками двушекъ. Называли два-три имени подозрѣваемыхъ, но, кажется, розыски ни къ чему не повели, а Фольцъ послѣ того пропалъ куда-то изъ Москвы, и самое происшествіе скоро было забыто. Помню, какъ однажды Θ. Θ. Кокешкинъ, рассказывая кому-то изъ знакомыхъ о подвигахъ этого негодяя, представилъ его въ роли оскорбленнаго отца и мастерски продекламировалъ его патетическій монологъ передъ преступною дочерью и ея соблазнитель-лемъ. Сцена была прочитана съ большимъ искусствомъ и правдою..

Вообще, Кокешкинъ былъ замѣчательнымъ декламаторомъ, разумѣется, въ томъ стилѣ, который господствовалъ на французской сценѣ прошлаго столѣтія. Мы давно уже привыкли относиться свысока къ этой декламациі, такъ же, какъ и къ той драмѣ, которую прозвали псевдо-классической. Нельзя не согласиться, конечно, что въ той и другой было много условнаго, искусственнаго, несогласнаго съ дѣйствительной жизнью, но та и другая были есте-

ственнымъ созданіемъ своего вѣка и прямымъ выраженіемъ идеала націи, стоявшей во главѣ образованнаго міра. Неправъ былъ Вольтеръ, называвшій грубымъ дикаремъ Шекспира, но неправъ и тотъ, кто подводитъ Вольтера и Расина подъ мѣрку нашей современной теоріи. Во французской сценической декламациі, при талантливыхъ исполнителяхъ и въ соотвѣствующихъ ей пьесахъ, было не мало увлекательнаго. Это доказала въпослѣдствіи Рашель и въ недавнее время Росси. Но я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокошкина. Завязался оживленный разговоръ о различіи между псевдо-классической трагедіей и мелодрамой, въ отношеніи къ ихъ содержанію и исполненію на сценѣ. Извѣстный актеръ Мочаловъ, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», а Кокошкинъ вслѣдъ затѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ «Цинны» Корнеля. Ко-

нечно, чтеніе перваго было увлекательнѣе и производило болѣе сильное впечатлѣніе, что зависѣло, безъ сомнѣнія, и отъ превосходнаго его таланта, но и въ декламациі послѣдняго была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ.

Оставя дирекцію казеннаго театра, Кюкошинъ принялся за торговые и промышленныя предпріятія. Это зависѣло не отъ упадка его состоянія или разстройства дѣлъ: кромѣ двухъ домовъ въ городѣ, у него было хорошее подмосковное село Анненское и еще какія-то имѣнія въ другихъ губерніяхъ. Къ спекуляціямъ побудилъ его, кажется, тотъ торговый задоръ, который началъ тогда обнаруживаться въ средѣ русскихъ баръ и помѣщиковъ, можетъ быть, въ невольномъ предчувствіи конца крѣпостного права. Съ каждымъ годомъ дворяне все больше брали гильдейскихъ свидѣтельствъ, отрывали заводы, фабрики и пускались въ торговые